

пробовал на себе. Закатав рукав рубахи до локтя, он смочил водой волос на руке и лезвием топора стал брить. Считал инструмент готовым, когда волос начинал поддаваться, как бритве. Я млея над этой дедовской причудой, понимая и свою причастность к «тонкой» работе.

* * *

Шло время. Я уже бегал во второй класс, и дед с отцом мне теперь доверяли не только вертеть точило, но и рубить старые гвозди на заклепки, шабрить медную посуду и самовары для полуды, разжигать паяльную лампу, сносно орудовал я и топориком — дед выковал его специально под мою руку. Да мало ли чего я уже мог делать в свои десять лет! И слободские ребята — аховский народец — в открытую меня дразнили казюком. В школе я быстро, по дедовскому выражению, «насобачился» читать и втайне ожидал, что вот-вот он мне купит обещанную книжку «про механику». И вдруг, ровно снежная глыба в оттепель съехала с крыши и разбилась оземь, так и мечты мои разлетелись вдребезги.

Однажды, возвратясь из школы, я поразился переполохом, какой царил в доме: бабка и обе тетки ревмя ревели с молитвенным причетом, будто в избе случился покойник. Ребяшня — мои меньшие сестренки и братик, забившись под крыльцо, напуганно хлопали сухими глазенками и держали щенка Шарика, рвущегося к своей матери. Пальма бездыханно лежала у плетня, оскалив злющие зубы.

— Чтой-то с ней? — спросил я.

Несмышлениш Володька первым выкарабкался из-под крыльца и, подпернув соплю, выпалил:

— Это ее минцанер из нагана бабахнул.

— Какой милиционер?

— Оне там, в салае, — Володька бесстрашно повел меня за избу, к сараю, где располагалась дедовская мастерская.

Возле стояла милицейская рессорная тележка с желтой дугой в красных звездочках. Конь тоже был очень красивый, вороной масти, с белым кружком на лбу. Он настороженно прядал ушами и вишневыми глазами косился на меня с братом. Два милиционера в белых матерчатых касках с двумя козырьками — на лоб и на затылок — поворовски шарили в мастерской, чего-то искали. Потом стали выбрасывать инструмент наружу, к колесам тележки.

— Дедушка ругаться будет! — попытался я остепенить милиционеров.

— Марш отседова! — шугнул на нас тот, который повыше, в портупнях со свистком и наганом. — А то вот ремнякой огрею — штаны намочишь.

Мы побежали к бабушке, и я рассказал обо всем, что видели. Тетки продолжали плакать. Бабка очухалась первой — отёрла слезы подолом фартука, громко высморкалась и приказала мне:

— Ты, детёнок, беги в кузню и поклещь домой дедушку.

Дед работал кузнецом в железнодорожных мастерских. Володька снова полез под крыльцо, а я побежал на станцию. Когда воротились, дед прошел к сараю, сняв картуз, поздоровался и спросил:

— Какую потерю ищем тут, служба?

— Чего искали — нашли. От нас далеко не упрячешь, — с тихим злорадством ответил старший милиционер, поправляя ремни и каску.

— По какому праву в чужом доме роюсь? — все тем же ровным голосом спрашивает дед.

— Нам донесли, а мы обязаны... — осклабясь в натужной улыбке, затараторил милиционер со свистком. — А то, вишь ли, понимаешь, демидовщину развели тут. В нэпманы метишь...

* * *

Ишь хозяева какие нашлись — целую металлургию развели тут. Может, и трубу поставишь ишо, и гудок приделаешь, эксплуатацию заведешь?.. Народ возмущаешь, старый!

В тайгу запросился, борода крученая? — пострадал еще пуще старшой и приказал младшему милиционеру: — Грузи струмент, Шамотов!

В дощатый кузовок брички полетели молотки, зубила, коловороты, паяльники, клещи, рубанки и всё другое, обо что грелись и руки, и души мужиков нашего дома. А когда в тележку были брошены топоры, в том числе и мой топорик, я взревел теленком, и у меня подогнулись ноги, будто чем-то тяжелым саданули по моим коленкам. Дед, широко вздохнув, подошел к тележке, вызволил из железной кучи мой топорик и подал мне в руки. А милиционерам сказал:

— Парнишку не троньте! Он вам не буржуй какой-то. Малый топор — его забава. Разуйте зенки-то да глядите, чего берете. Не шибко ли расхорохорились?..

Милиционеры смолчали. Но дело свое продолжали. Сняли с верстака тиски и тоже бросили в тележку. Потом завернули в отцовский фартук паяльную лампу — самую дорогую вещь — и водрузили ее поверх всего конфискованного инструмента. Я снова хотел зареветь, но дед прищипнул, чтобы молчал. А мне вспомнилось, как отец ездил в Тулу за этой лампой и заплатил за нее какому-то оружейнику свою полную получку, за что потом мама дулась на отца до новой зарплаты...

